

Ду Циньюэ, глядя вслед удаляющейся Цин Дай, ощутила в сердце горькую смесь чувств. Выросшая в роскоши и с детства наблюдавшая за самыми изощренными интригами, она не могла не понять: последние дни Цин Дай, заботясь о ее душевном состоянии, сознательно отказалась от быстрого возвращения домой. Она осталась в этом пустом, хоть и роскошном особняке, прикрываясь якобы желанием пожить в комфорте. Но в нынешнем обезумевшем мире любые блага были доступны повсюду — Цин Дай просто хотела, чтобы она оставалась в привычной обстановке, смогла успокоиться и вновь обрести волю к жизни.

Если спасение, когда Цин Дай вышибла дверь и вырвала ее из лап смерти, стало для нее путеводным светом, то последующие дни молчаливой поддержки и чуткости по-настоящему согрели ее сердце, израненное разлукой с близкими и одиночеством. Это не было безумной любовью или кровным родством, но порождало такое глубокое доверие и спокойную уверенность, что хотелось жить дальше, не боясь никакой тьмы.

С момента катастрофы Ду Циньюэ догадалась, что зомби и способности — это некая форма мутации, своего рода равновесие, заложенное самой природой. Хотя она не понимала всех тонкостей, общая картина вырисовывалась. Цин Дай обладала способностью управлять растениями, поглощающими зомби, а значит, и ей самой нужно было как следует развить свой дар огня. Боевая подготовка, впитанная с молоком матери, стала инстинктом: пока есть хоть что-то, что можно использовать, способы выжить найдутся.

Ду Циньюэ стояла у бассейна, подняв правую руку. Вспыхнуло бледно-желтое пламя — крохотное под ярким дневным солнцем. Она усилила поток энергии. За эти дни, используя огонь для готовки, она кое-чему научилась. Пламя разгоралось, становясь все мощнее, словно ее рука была газовой горелкой. Жар стал невыносимым, опалая край одежды. Ду Циньюэ швырнула огненный шар в стоявшее неподалеку плетеное кресло, но, едва оторвавшись от руки, огонь погас, лишившись источника. Долетев до цели, он превратился в жалкие искры, и кресло осталось невредимым.

Она нахмурилась, сосредоточилась и снова метнула шар. Результат тот же.

После десятка попыток Ду Циньюэ внезапно рассмеялась и пробормотала:

— Вот оно что...

Она щелкнула пальцами, и вспыхнул новый огненный шар. С легким взмахом руки пламя, в отличие от прежних попыток, не угасло, а, подобно снаряду, устремилось к креслу. Сухой плетеный материал вспыхнул мгновенно. Охватив кресло, огонь странно запульсировал, словно обрел сознание. Ему было мало одной мебели, но вокруг, кроме бассейна, ничего не было, и пламя, постепенно доев остатки кресла, угасло.

В глазах Ду Циньюэ блеснул холодный огонек. Она снова посмотрела на свои ладони. Энергия была на исходе, но она выжала из себя последние силы. Пламя на правой руке росло, а на левой — начало менять цвет, становясь глубоко-синим с белым отливом, лишь по краям мерцая бледно-желтым. Это означало, что температура пламени подскочила с тысячи до полутора тысяч градусов.

Наконец, энергия иссякла, и огонек, так и не успевший показать всю свою мощь, неохотно погас.

Используя выносливость, наработанную за дни бегства, Ду Цинъюэ, шатаясь от изнеможения, добралась до мягкого дивана в гостиной. Даже в таком состоянии она не позволила себе расслабиться: обливаясь потом, приняла позу для медитации и начала ровно дышать. Спустя десять минут усталость как рукой сняло, и она вернулась к бассейну.

К тому времени, как Цин Дай вернулась, зачистив восемьдесят процентов зомби в округе, одежда на Ду Цинъюэ успела промокнуть от пота и высохнуть уже трижды.

Если бы зрение Цин Дай не исправилось после катастрофы, она бы вряд ли заметила, что одежда на спине Ду Цинъюэ покрылась соляным налетом, как после изнурительной армейской подготовки. Цин Дай жалела ее, но понимала: в нынешнюю эпоху, когда люди едят людей, только пот в мирное время гарантирует отсутствие крови в бою. К тому же, Ду Цинъюэ уже доказала свою силу, прорываясь сквозь толпы зомби в супермаркете. Такая женщина в огне и крови способна раскрыться по-настоящему.

Когда Ду Цинъюэ пришла в себя, Цин Дай упомянула, что нашла двух выживших — соседей из того же жилого комплекса.

Ду Цинъюэ почесала затылок. Она никогда не общалась с соседями. Раньше она жила здесь ради любимого, а после разрыва чувствовала себя преданной всем миром и стала замкнутой. К тому же она жила в элитном особняке, а ее окружение составляли обычные офисные работники — пропасть была слишком велика. Из всех она знала разве что охрану. Спрашивать ее о соседях было все равно что искать иголку в стоге сена.

Цин Дай не придавала этому значения. Двое незнакомцев выглядели слишком благородно, чтобы быть мошенниками, да и Ду Цинъюэ, будучи сама из высшего общества, сразу бы их раскусила. В нынешней ситуации, когда в живых осталось всего четверо, нужно было держаться вместе, если только они не заклятые враги.

Раз уж ожидалась гости, девушки решили устроить обед. Они достали припасенное мясо и приготовили его в тройном объеме. Оставалось надеяться, что гости не окажутся слишком привередливыми гурманами.

Когда двое мужчин, одетых с иголки, подошли к дому и почуяли аромат еды, они на мгновение замерли, словно вернулись в те мирные дни, когда друзья договаривались о совместном ужине. Но зловоние, доносившееся из-за стен, и пятна крови на асфальте быстро вернули их к реальности.

Лянь Цинъюнь, привыкший скрывать чувства, заметив усталость и боль на лице Чжан Хунцзюня, похлопал его по плечу и первым постучал в дверь.

Чжан Хунцзюнь взял себя в руки, ободряюще кивнул другу и принял вид воспитанного аристократа. Аристократические манеры были у него в крови, а после того, как они прошли через ад, скрывать эмоции стало проще простого.

Ду Цинъюэ помогала Цин Дай накрывать на стол. Услышав стук, подобающий столичным аристократам, она усмехнулась, велела Цин Дай продолжать, а сама, легкой походкой, подошла к двери и открыла ее.

Цин Дай только успела расставить блюда, как из прихожей донесся ритмичный грохот — звуки драки, такой профессиональной, что позавидовал бы любой боевик. Цин Дай почувствовала неладное.

Когда она прибежала в прихожую, шкаф был уже разбит. Трое явно не были обычными людьми — их сила и разрушительность возросли многократно. Цин Дай не понимала: почему они дерутся? Одна женщина против двух мужчин, и, судя по всему, это была не ссора, а спарринг. Она решила, что, возможно, это такая новая мода среди богачей, и, раз никто не пострадал, вернулась на кухню.

Аромат еды быстро заставил троицу осознать реальность: обед готов, и не поесть — значит мучить себя. В кодексе аристократов всегда найдется пункт о том, что драку можно отложить ради еды.

Когда Цин Дай допила свой суп, трое вошли в столовую с синяками на лицах. Она сделала вид, что ничего не заметила, и принялась за еду.

Поняв, что еда вот-вот закончится, трое прекратили переглядываться и набросились на стол. Кто успел, тот и съел. Ду Цинъюэ, сражаясь против двоих, в конце концов проиграла, лишившись куска говядины и десерта, который нагло стащил Чжан Хунцзюнь. Она с ненавистью подумала, что надо было подсыпать им слабительного.

Хоть Цин Дай ела медленно и с достоинством, все четверо закончили одновременно — слишком много времени ушло на дележку еды.

Осмотрев стол, Цин Дай похвалила их за воспитание: несмотря на яростную битву, посуда осталась цела. Она тихо убрала со стола.

Ду Цинъюэ остановила ее и, бросив косой взгляд на двух наглецов, холодно произнесла:

— Здесь нет прислуги. Труд должен быть честным: мы готовили, значит, посуду моют они.

Цин Дай не возражала, лишь опасалась, что их красивая посуда не переживет этой мойки.

Двое красавцев, злобно сверкнув глазами на Ду Цинъюэ, покорно потащили тарелки на кухню. Ду Цинъюэ подняла подбородок и сказала Цин Дай:

— Пусть радуются, что я их вообще покормила... Кстати, в детстве они часто мыли посуду, так что, думаю, справятся.

Цин Дай задумалась над этими словами, и у нее сложилось примерное представление об их отношениях: дружба с детства, невинные чувства и глубокая, застарелая обида.

<http://bllate.org/book/18704/1807734>